

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-407-425
EDN: XETCKC

Научная статья

Невидимое многоязычие постсоветской миграции как вызов теории транслингвильности

Э.В. Хилханова¹ , Д.Л. Хилханов²

¹Институт языкознания РАН,
Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям
Российская Федерация, 125009, Москва, Б. Кисловский пер., 1/1, корп. 28

²Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 105064, Москва, Малый Казенный переулок, 5Б
 erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Аннотация. Теория транслингвильности рассматривается с точки зрения ее универсальности / неуниверсальности, ее дополняет новый эмпирический кейс — речевые стратегии и практики высокообразованных многоязычных мигрантов из бывшего СССР и многоязычных жителей современной России. Авторы приходят к выводу, что для людей, чья социализация прошла в этом регионе, характерны жесткие представления о языковой норме и аутентичности, о «чистоте» языков и высоких стандартах говорения на них. Эти представления применяются ко всем языкам, как к родным, так и иностранным. На (пост)советском пространстве распространены традиционные и консервативные языковые идеологии, в силу чего транслингвильность нередко воспринимается как небрежность речи, неполная языковая компетенция. В этом смысле данный региональный кейс свидетельствует о неуниверсальности теории транслингвильности и важности контекстов, в которых формируется отношение к многоязычию, языковой норме и ряду других лингвистических явлений. Именно тем, что теория и практика транслингвильности возникла в демократическом, постколониальном контексте, объясняются не вписывающиеся в нее языковые установки и речевое поведение жителей (пост)советского региона.

Ключевые слова: теория транслингвильности, многоязычие, постсоветская миграция, речевые практики, переключение кодов, норма языка, аутентичность речи

История статьи: поступила в редакцию 14.02.2023; принята к печати 14.06.2023

Конфликт интересов: отсутствует

© Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование: Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта №21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

Для цитирования: Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л. Невидимое многоязычие постсоветской миграции как вызов теории транслингвильности // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 407–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-407-425>

Research Article

The Invisible Multilingualism of Post-Soviet Migration as a Challenge to the Theory of Translanguaging

Erzhen V. Khilkhanova¹ , Dorzhi L. Khilkhanov²

¹Institute of Linguistics of RAS, Research Center on Ethnic and Language Relations,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russian Federation

²Moscow City University, Department of Philosophy and Social Sciences,
4 Second Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation
 erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Abstract. This article proposes to look at the theory of translanguaging from the angle of its universality/non-universality, bringing into discussion a new empirical case — speech strategies and practices of highly educated multilingual migrants from the former USSR and multilingual residents of modern Russia. The authors conclude that people whose socialization took place in this region are characterized by rigid ideas about the language norm and authenticity, about the “purity” of languages and high standards of speaking them. These concepts apply to all languages, both native and foreign. Traditional and conservative language ideologies are widespread in the Soviet and post-Soviet area, which is the reason why translanguaging is often perceived as careless speech, incomplete language competence. In this sense, this regional case demonstrates the non-universality of translanguaging theory and the importance of contexts in which attitudes towards multilingualism, linguistic norm and related linguistic phenomena are formed. It is primarily the western democratic, postcolonial context of translanguaging practice and theory that explains why the language attitudes and speech behavior of residents of (post)Soviet region do not fit into it.

Key words: theory of translanguaging, multilingualism, post-Soviet migration, speech practices, code switching, language norm, speech authenticity

Article history: received 14.03.2023; accepted 14.06.2023

Conflict of interests: none

Funding: The reported study was funded by RFBR and DFG, project number №21-512-12002 ННИО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy — multilingual Russia as an example”.

For citation: Khilkhanova, E.V., and D.L. Khilkhanov. 2023. “The Invisible Multilingualism of Post-Soviet Migration as a Challenge to the Theory of Translanguaging”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (3), 407–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-407-425>

Введение

Цель статьи — показать, как отдельные эмпирические кейсы могут дополнить теорию транслингвальности (транслингвизма), продемонстрировав ее неуниверсальность и зависимость транслингвальных практик (или их отсутствия) от социально-политического, культурного и ряда других контекстов.

Теория транслингвальности, берущая свое начало в педагогике, представляет собой новый взгляд на старые явления из области многоязычия и языковых контактов, а ее приверженцы продвигают ее как глобальную теоретическую и деятельностную парадигму в лингвистике и образовании. Создается впечатление, что транслингвальное творчество, свободное обращение с границами языков свойственно всем многоязычным говорящим, и в первую очередь мигрантам, так что транслингвальность предстает как неотъемлемое свойство современной глобальной миграции. Это, с одной стороны, так, и связь транслингвальности и миграции действительно отражает современные мировые тренды, так как именно люди, находящиеся на границе двух или более лингвокультур, естественным образом создают новые гибридные идиолекты. С другой стороны, сами языковые практики в мигрантской среде гораздо многообразнее и наряду с транслингвальностью они обнаруживают и другие тенденции. Такая постановка вопроса проистекает из наблюдений, сделанных авторами во время полевого исследования речевых стратегий и практик многоязычных мигрантов из бывшего СССР. Это исследование было проведено в рамках проекта «Язык и этническая идентичность нерусских иммигрантов из бывшего Советского Союза в странах Западной Европы» в 2016 г. (подробнее о проекте, профиле информантов и методологии полевого исследования см. в: [1]). Объект исследования представлял научный интерес не только ввиду малоизученности, но и потому, что данная полиэтническая и многоязычная группа до эмиграции была объединена сходством языковой ситуации, общей историей и (советской) культурой, но при этом ее представители имели разную этническую принадлежность и культуру. Поэтому было интересно выяснить, как этническая идентичность может (само)определяться и (ре)конструироваться через взаимодействие Я1 (этнического языка), Я2 (русского языка) и ЯЗ-п (языка / языков принимающей страны) в ситуации дисперсного проживания членов данных этнических групп в иной культуре.

Основным методом исследования были глубинные интервью, сопровождаемые этнографическим наблюдением, а также неформальное общение вне рамок интервью с частью информантов. Пул информантов составил методом «снежного кома», когда информанты предлагали других кандидатов для включения в выборку. В итоге в выборке оказались представленными три этнические группы — буряты, якуты и казахи — из двух стран — России и Казахстана. Важной характеристикой выборки являлся высокий уровень

образования участников: высшее образование было у 24 человек из 26, семь человек имели степени кандидата наук и PhD, два человека — среднее профессиональное образование. Поэтому данная группа мигрантов относится к категории интеллектуальной миграции¹.

Эта характеристика повлияла и на языковые практики исследуемой группы, во-первых, на то, что все мигранты свободно владели русским языком (Я2), что, безусловно, тесно коррелирует с их высоким уровнем образования. Во-вторых, все мигранты в той или иной степени (как правило, свободно) владели как минимум одним иностранным языком (в основном английским, но также немецким и рядом других языков). По степени владения Я1 (этническим языком) опрошенные делились на три группы:

группа 1 (11 человек): с высоким уровнем языковой компетенции в Я1;

группа 2 (8 человек): со слабым уровнем языковой компетенции в Я1;

группа 3 (7 человек): не владеющие Я1.

Таким образом, возможность транслингвальных переходов между Я1 и Я2 была изначально исключена для семи человек и затруднена для восьми. Однако все варианты использования других языков из лингвистического репертуара участников исследования (в частности, английского и немецкого языков, которым владели как интервьюер, так и интервьюируемые) оставались потенциально открытыми и использовались участниками, хоть и не так часто; то же можно сказать и об использовании бурятского языка с членами группы 1. В целом же, несмотря на многоязычный репертуар, все участники оставались в основном в рамках русскоязычного дискурса.

Для более детального изучения транслингвальности (изначально не входившей в задачи проекта) впоследствии к анализу были дополнительно привлечены данные неформального общения мигрантов в социальных сетях. Социальные сети представляют собой «новое, делокализованное, мультимодальное пространство, расположенное на границе между устной и письменной речью, в котором спонтанно возникают транслингвальные практики» [2. С. 3]². Тем самым они могут дать валидный материал для изучения транслингвальности как явления, присущего в первую очередь спонтанной речи [3].

В целом были проанализированы «спонтанно возникающие транслингвальные практики» семи интернет-сообществ, преимущественно в Facebook*: Kalmyks in USA / Калмыки в США (3000 членов), sakhadiaspora.official в Instagram* (2695 подписчиков), сообщество Sakha Diaspora

¹ О понятии интеллектуальной миграции см.: Интеллектуальная миграция в современном мире: учеб. пособие / под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2014.

² Здесь и далее перевод автора.

* Входит в корпорацию Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации с марта 2022 г.

в Facebook* (171 последователь), Tatars in USA (973 члена) и три бурятские группы в Facebook* (Vstrechi v Evrope, Buryat House, USA и Buryat connection UK (1600 членов в совокупности). Материал был собран в период с января 2016 г. по июнь 2021 г.

Отдельно необходимо рассмотреть фактор собеседника. Мы полагаем, что общение с незнакомым ранее человеком (интервьюером) сыграло определенную роль, несмотря на всю свободу и непринужденность обстановки, в которой проходили интервью. Фактор собеседника свел до минимума возможность использования якутского и казахского языков в разговоре, поскольку интервьюер не владела этими языками. При внутригрупповом общении, общении с друзьями случаев транслингвальности явно больше, о чем сказала одна из участниц:

Если подумать, какие-то фрагменты я могу вставить на немецком в русский язык. Мне сложно найти аналог, если это что-то специфичное для этого региона, конечно, у меня выскакивает слово на немецком, *но я это делаю только в разговоре с теми, кого я знаю и уверена* (выделено нами — Э.Х.).

Тем не менее и в данном фрагменте речь идет о *вставлении* отдельных слов в речь на русском языке, так что общая языковая картина принципиально не меняется.

Дополнительно к материалам полевого исследования в Западной Европе и материалам виртуальной коммуникации были использованы данные полевых обследований, проведенных в 2021 и 2022 гг. в Татарстане и Карелии сотрудниками Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям (НИЦ НЯО) Института языкознания РАН. Были использованы два основных метода: социолингвистический онлайн-опрос и интервьюирование (экспертные интервью), а также этнографическое наблюдение. В целом было записано 43 интервью, каждое длительностью около часа.

Этим обусловлено то, что мы обозначаем как *induktive Theoriebildung* — индуктивный метод построения теории. При таком подходе эмпирические данные могут (а) привести к созданию теории, когда будет накоплено достаточное количество опытных фактов и закономерностей; (б) скорректировать и дополнить имеющуюся теорию. В нашем исследовании, как сказано во Введении, речь пойдет о втором.

Обсуждение

Концепция транслингвальности

Концепция транслингвальности (далее — ТЛ) стала на сегодняшний день настолько популярной, что нет необходимости подробно останавливаться на ее многочисленных дефинициях и интерпретациях. Однако

все же некоторые дефиниции необходимо привести, чтобы понять, от чего мы отталкиваемся, говоря о «вызове» теории ТЛ. В ставшей уже классической дефиниции ТЛ С. Канагараджи проводится мысль о лингвистическом репертуаре многоязычных говорящих как интегрированной системе [4]; в других определениях она развивается еще дальше, и само существование отдельных языков / кодов как продуктов становления национальных государств ставится под сомнение: ТЛ понимается как «использование полного лингвистического репертуара говорящего без учета строгого соблюдения социально и политически определенных границ названных (и обычно национальных и государственных) языков» [5. С. 283].

Наиболее эксплицитно этот взгляд отражен в книге С. Макони и А. Пенникука, где авторы утверждают, что «языки не существуют как реальные сущности в мире, и они также не возникают из реальной окружающей среды и не представляют реальную окружающую среду; они, напротив, являются изобретениями социальных, культурных и политических движений» [6. С. 2].

Как всякий принципиально новый взгляд на объект исследования, концепция ТЛ имеет далекоидущие последствия. Меняется сам подход и оценка ряда явлений из области многоязычия, подвергаются критике «старые» термины. В частности, если языки / коды и границы между ними объявляются условными и сконструированными, в новую концептуальную парадигму уже не вписывается термин «переключение кодов», поскольку он «представляет собой теоретическое подтверждение идеи о том, что то, чем манипулирует двуязычный <говорящий>, как бы мастерски он ни манипулировал, является двумя отдельными языковыми системами» [5. С. 282]. Другими словами, термин «переключение кодов» маркирует «старую» научную парадигму, где коды / языки рассматриваются как застывшие, фиксированные дискретные системы, тогда как на самом деле «языковая деятельность человека радикально неоднородна и включает в себя взаимодействие процессов во многих различных временных масштабах, включая нейронные, телесные, ситуационные, социальные и культурные процессы и события» [7. С. 76]. Соответственно, в рамках новой транслингвальной парадигмы предпочтительнее оперировать не терминами «переключение кодов» и «смешение кодов» (далее — ПК, СК), а «лингвистический репертуар» (см., напр.: 8).

Вместе с тем существует и менее радикальный взгляд на ПК и СК, когда транслингвильностью называются фактически все виды речепроизводства и речевого общения, где задействовано более одного идиома, включая переключения кодов, заимствования, гибридизацию языков и пиджинизацию, обращение к интернациональным словам, активизацию металингвистических знаний, использование невербальных средств (жестов, мимики,

звукоподражания и др.) [5. С. 283; 9. С. 162; 10]. Таким образом, в менее радикальной версии ТЛ ПК рассматривается как одна из многих транслингвальных стратегий; соответственно, понятие ТЛ шире, чем понятие ПК.

Конечно, никто не оспаривает существование в любом живом идиоме, особенно существующем на пересечении многих культур, плохо идентифицируемых и переходных языковых вариантов. Значимость концепции ТЛ, на наш взгляд, заключается именно в том, что она легитимизирует эти живые, текучие, не обязательно совпадающие с лингвистической таксономией продукты лингвокреативности говорящих, предлагает позитивный подход и оценку этих явлений, рассматривает их как ресурс, а не лингвистическую ущербность.

Если считать ПК и СК одним из видов транслингвальных стратегий, необходимо более дифференцированно взглянуть на то, *что* побуждает людей переключать и смешивать коды, так как это может дать нам дополнительные сведения о механизме ТЛ. Говорящий переключается с одного языка / кода / идиома на другой или смешивает их, движимый *внутренними, внешними* или *лингвистическими* факторами. Внешние факторы — исторические, политические, демографические (например, малое число носителей некоего идиома) и т.п. — независимы от конкретных говорящих. Лингвистические факторы, такие, как отсутствие в каком-либо из языков в лингвистическом репертуаре говорящего денотата вместе с сигнификатом, также могут вынуждать говорящих переключаться на другой идиом. Как внешние, так и лингвистические факторы являются в определенной степени объективными (хотя объективность — свойство не речи, а языка как системы). Вот если происходит такое, что говорящий переключается на Я2 в силу *дефицита* языковых ресурсов в Я1, — это, строго говоря, не ТЛ, а речевое действие, вызванное сугубо лингвистическими, объективными факторами. ТЛ полностью движима внутренними, т.е. субъективными, «привязанными» к говорящему причинами.

Важно отметить, что концепция ТЛ возникла на волне демократизации в западных странах, подъема движения по сохранению миноритарных и региональных языков, и сам термин «транслингвальность» изначально использовался для описания языковой практики в программах ревитализации валлийского языка, когда, например, учитель преподает на валлийском, а ученики отвечают в основном на английском или читают на одном языке, а пишут на другом или наоборот (см. в: [11; 3]). Именно в таком — демократическом, постколониальном — контексте «малые» языки начинают пониматься не как проблема или финансовая обуза для государства, а как мобильные *ресурсы* или *практики* [12]. Более того, ТЛ понимается как *коммуникативная норма* (выделено нами — Э.Х.) двуязычных сообществ и не может сопоставляться с предписанным использованием только одного языка [3. С. 46].

Речевые практики многоязычных мигрантов из бывшего СССР

Поскольку данная статья носит теоретический характер, мы не будем подробно представлять здесь эмпирический языковой материал, отсылая читателя к публикациям, где он описан более детально [13]. Скажем кратко, что «спонтанные транслингвальные практики», выявленные как в устной речи, так и «на границе между устной и письменной речью», т.е. в социальных сетях, представляют собой большей частью *вкрапления Я1 и Я3-п* на уровне отдельных лексем в преимущественно русскоязычный дискурс. Вкрапления интерпретируются нами как частные случаи ПК (см. также: [14. Р. 163]). Собранный материал по ПК и СК мы сгруппировали по следующим категориям: (1) безэквивалентная лексика (при описании культурно-специфических реалий) или слова, которым говорящий не смог сразу найти переводческий эквивалент или не захотел тратить речевые усилия на это; (2) клишированные этикетные формулы (например, приветствия); (3) передача чужой речи; (4) тема коммуникации; (5) внешне немотивированные интрасентенциальные ПК; (6) внешне немотивированные интерсентенциальные ПК; (7) языковое творчество, языковая игра.

С одной стороны, в (русской) монолингвильности и незадействованности в речи многоязычного репертуара нет ничего неожиданного. Хорошо известно, что для мигрантов из бывшего СССР русский язык играет роль *lingua franca* и коллективного объединителя (см., например: [15]). Сведения, данные участниками, и этнографическое наблюдение подтверждают, что Я1 крайне редко используется при общении современных российских мигрантов друг с другом; он используется, как правило, при общении с оставшимися «на родине» родственниками (см. об этом подробнее: [16]). Наиболее лапидарно и образно роль русского языка для иммигрантского сообщества из бывшего СССР сформулирована в символическом девизе иммигрантской газеты «Русский Берлин»: «Наша Родина — русский язык». С другой стороны, все же доминирование монолингвального (русскоязычного) дискурса кажется идущим вразрез как с речевыми практиками мигрантов по всему миру, так и с трендами их описания и концептуализации в разных лингвистических теориях, и в теории транслингвильности прежде всего.

Можно было бы предположить, что редкость случаев транслингвильности объясняется тем, что формат интервью не предполагает индивидуального спонтанного языкового творчества, о чем упоминалось во Введении. На это можно возразить, что интервью бывают с разной степенью свободы и интервью в рамках данного проекта проходили в непринужденной атмосфере, были приближены к естественной беседе. Этому способствовал и метод «снежного кома», когда один участник исследования рекомендует другого, так что интервьюеру не приходится идти на «холодный контакт» с абсолютно незнакомым человеком, и то, что с некоторыми из участников исследования интервьюер была знакома ранее. Также можно сослаться на примеры других исследований, где во время интервью люди с легкостью «курсируют» между

разными языками, полностью задействуя свой лингвистический репертуар. Это можно проиллюстрировать фрагментом из интервью калмыцкого эмигранта второй волны эмиграции³, взятый из книги Э. Гучиновой, которая изучала калмыцкую диаспору в США:

Главная разница — то, что те калмыки считают, что *under коммунизм бээсн* (под коммунизмом находясь) и *some kind тиим* (такого рода такое) *анти religion тиим юмта ...* хотя *тенд* (там) были *divided* (разделены) и были такие которые действительно *against* (против) религия, но большинство были и сохраняли *тер*. *Тер* (тот) коммунистический режим *далта жилд бэгэд ... abolish кечксн — тиигжэ саннав* (семьдесят лет просуществовав ... был уничтожен — так я думаю).

Вот *тиим suggestion* (такое предложение). И *би старался follow эврэнь parents-инь* (я старался следовать своим родителям). Я не скажу что был *best* (лучший) студент, но *average ... яһад* (средний ... что ли). И *эклэд, тигэд тер мана old generation Эдрхэрэнь йовад сурһульд они были манд real mother* (начав, так то наше старое поколение поехало на учебу в Астрахань, они были нам по-настоящему матерью). *Теднэ* поведение *манд* (их поведение нам) понравилось. Они показали нам *knowledge, intelligence и книжкс дуудг* (знания, интеллект и чтение книг вслух), и мне это понравилось⁴ [17].

Данный фрагмент, типичный для речевых практик нерусских мигрантов предыдущих волн эмиграции из России (по крайней мере первой и второй волн), — пример не встречавшегося авторам (не только в мигрантской среде, но и в России) транслингвального дискурса, где почти в одинаковой степени задействованы все три языка: Я1 (калмыцкий), Я2 (русский) и Я3 (в данном случае английский). Здесь наблюдается разительный контраст с речью постсоветских мигрантов (особенно хорошо образованных), которая является образцом «чистой», грамматически правильной и несмешанной русской речи.

Как мы уже говорили, транслингвальность движима внутренними, «привязанными» к говорящему причинами. Эти причины могут быть как *сознательными, целенаправленными* (например, проявление своей этничности и других идентификаций), так и *бессознательными, «автоматическими»* (например, привычка говорения с использованием в речи всех языков лингвистического репертуара). Приведенный выше фрагмент относится как раз к этой (второй) категории.

Примеры сознательной, целенаправленной транслингвальной стратегии можно найти, в частности, в книге немецко-турецкого автора Феридуна Заимоглу “*Kanak Sprak*”, герои которой из протестных, провокационных соображений создают искусственный «язык», язык насилия, обценности, «грязных» метафор и сленга, в котором присутствуют слова и выражения, которых нет ни в немецком, ни в турецком языке. В нашем

³ Вторая волна калмыцкой эмиграции приходится на период строительства социализма, сталинских репрессий и Второй мировой войны.

⁴ Перевод, орфография и способ выделения Э.-Б. Гучиновой.

корпусе таких примеров не было; отмечались отдельные случаи лингвокреативности, языковой игры, например, фраза из бурятских социальных сетей «А ты хамагуист? :)», где обыгрывается популярное бурятское выражение *хама үгы* ‘все равно, без разницы’. Присоединение продуктивного русского суффикса -ист- образует транслингвальный окказионализм со значением ‘человек, которому все равно’. Морфосинтаксическую основу фразы «А ты хамагуист?» предоставляет русский язык, являясь матричным языком.

Бессознательное, автоматическое ПК можно проиллюстрировать следующими примерами.

На пятом курсе я уже работала *full-time*.

Здесь такой огромный *mix*.

Там *тоонто нутаг* (‘место рождения’), видишь все те же улицы, на которых ты вырос, больше ностальгия и воспоминание.

Also (‘так что / итак / ну / вот’) ну и тут даже я на этот люфтганзовский <рейс> уже прямо впритык бежала.

Можно было бы почаще *зула бадарааха* (‘зажигать лампадку (светильник)’) ⁵.

Таких примеров, однако, мало, и большинство мигрантов демонстрируют «чистую», грамматически правильную и несмешанную русскую речь и остается в таком модусе как онлайн, так и оффлайн даже в «этнических» социальных сетях и при устном общении с соотечественниками той же этничности. Далее необходимо понять, почему это происходит, какие факторы препятствуют транслингвильности не только между Я1 и Я2, но и между Я2 и Я3-н.

Факторы, препятствующие транслингвильности

В языковых установках участников исследования прослеживался такой фактор, как стеснение и осознание своей неполноценной / неидеальной языковой компетенции в Я1, исключавший его использование. В частности, одна информантка на предложение общаться на бурятском языке сказала «у меня не так хорошо, как у Вас», и Я1 (бурятский язык) был исключен из разговора вообще. В другом интервью информантка жалеет о своем ПК с русского языка на немецкий:

А в целом если брать, я чувствую себя свободнее, когда на русском, потому что я лучше могу сформулировать свои фразы и выразиться точнее. То, что переключаюсь, — это печально.

Такие высказывания, на наш взгляд, обнаруживают то, что данным мигрантам присущи представления о «чистоте» языков и высоких стандартах

⁵ Обычно зажженные лампадки ставятся перед статуэтками буддийских божеств (комментарий наш — Э.Х.).

говорения на них. Мы полагаем, что дело в том, что многие из участников наших исследований, независимо от места их нынешнего проживания, являются типичными представителями российской языковой культуры, для которой очень характерны пуризм и прескриптивные языковые идеологии. Как пишет К. Пишлэгер, «хотя языковой пуризм или „прескриптивизм“ не ограничивается Россией, Россия принадлежит к „стандартной языковой культуре“... в которой существует мнение, что одна разновидность языка имеет изначально более высокую ценность, чем другие, и что это должно быть навязано всему речевому сообществу. Такая позиция особенно верна в отношении русского языка, но эти идеи и стандарты переносятся филологами и носителями удмуртского и других миноритарных языков в России на их родной язык (языки)» [18. С. 114].

К. Пишлэгер также пишет о том, что эти прескриптивные и пуристические установки обусловили почти исключительный научный интерес к стандартизованному современному литературному языку [18. С. 114]. Действительно, именно в силу этого в советское время научного интереса удостоивались только «высокие» сферы, такие как язык художественной литературы, а «низкие» сферы, такие как язык «желтой» прессы, разговорный язык и т. п., стали объектами лингвистических исследований начиная только с последних десятилетий XX в.

Во многом такие нормативные языковые установки берут свое начало в советской и — позднее — в российской школе, где, как пишет Н.Д. Голев, доминирует нормативный аспект языка, модус долженствования, предписания, а также «орфографоцентризм» — важнейшая черта российского лингвистического мышления. «Стремление к „воздержанию от ошибок“, доведенное у нас до какого-то абсолюта, становится тормозом развития речи, должного приводить к свободному, творческому выражению мысли (достаточно вспомнить советы опытных учителей и репетиторов своим подопечным — избегать фраз, в безошибочном написании которых они не уверены» [19].

Надо сказать, что такие установки были распространены не только в школе, но и на всех уровнях советской системы образования, где доминировало грамматико-ориентированное обучение, что при изучении иностранных языков нередко вело к языковому барьеру при говорении из страха сделать ошибки. Такой подход во многом сохранился и в нынешней российской системе образования, и он имеет как плюсы, так и минусы, о чем говорят сами учителя: «Практика говорит о том, что выпускники российских школ гораздо лучше знают английский язык, чем большинство учеников Западной Европы, прекрасно справляются со сложными грамматическими тестами и имеют хорошее произношение, которое выгодно отмечает их от произношения европейцев. Но, несмотря на это большинство из них избегают контакта с носителями иностранных языков даже тогда, когда те являются инициаторами общения. Европейцы легко общаются, не комплексуя по поводу

своего произношения, используя в речи не более 3–4 видовременных форм и не особо беспокоясь о наличии в своей речи ошибок» [20].

Для советской и российской традиции обучения иностранным языкам важно понятие *аутентичности*, понимаемой как ориентация именно на образцовую, британскую или в крайнем случае американскую грамматическую и фонетическую норму. Плюрицентричный подход, набирающий силу в западных странах и включающий ныне 17 плюрицентричных языков (см. об этом: [21; 22]), не очень распространен в массовом сознании россиян и в системе российского образования.

Доминирование нормативности и пуристических установок в России трактуется лингвистами и в более широком историческом ключе. Например, Н.Н. Германова использует для анализа и интерпретации понятия нормы и ее распространенности в России логическую категорию деонтической и алетической модальности, где первая — это понимание нормы как эталона и образца идеального поведения, а вторая — как средней величины, обычного порядка вещей [23]. В России более традиционной является деонтическая трактовка литературного языка, а, к примеру, в Великобритании — алетическая. При деонтической трактовке норма понимается прежде всего как образец, корректирующий речевую деятельность; основой литературного языка видится по преимуществу язык художественной литературы. Эти черты Н.Н. Германова связывает с историко-культурными особенностями начала формирования литературного языка в России в эпоху романтизма с его идеями о языке как «духе народа». В отличие от российской, британская нормативная традиция формировалась в эпоху Просвещения, что обусловило преимущественно инструментально-прагматическую концепцию языка и алетическое понимание языковой нормы: доминантами нормативного дискурса стали сформулированные в рамках риторики и восходящие к античной грамматической традиции критерии ясности, единства и выразительности [Цит. по: 24. С. 44].

А.А. Ривлина отмечает, что, несмотря на распространение «наивного перевода»⁶ и «обыденной народной глобализации», отказа от деонтической, аксиологически ориентированной нормативности в межъязыковой коммуникации не наблюдается. Напротив, пишет автор, объективное расшатывание традиционных норм, антинормативные устремления в передовых слоях общества и в научных кругах порождают рост интереса рядовых носителей языка к вопросам языковой правильности, озабоченность вопросами культуры речи и волны «нового прескриптивизма». Автор призывает к поиску более взвешенного соотношения, компромисса между алетической и деонтической

⁶ «Наивный перевод» — это понятие, использованное А.В. Кирилиной для характеристики практики неинституционализованного перевода (как правило, с английского языка на русский) «обычными людьми», с активным использованием лексических и синтаксических калек и с многочисленными нарушениями узуса [25. С. 176].

нормативностью, дескриптивизмом и прескриптивизмом, традиционным «сегрегативным» и современным «динамическим / транслингвальным» подходами в лингвистической науке [24. С. 48–49].

Пока, однако, о компромиссе речь не идет, и жесткие представления о норме и аутентичности у «рядовых носителей» связаны и с понятиями *легитимности* и *владения языком* (language ownership), и с понятием *native speaker*⁷. Данное понятие ныне широко критикуется за то, что в нем заложено то, что *native speaker* — это единственный по-настоящему легитимный носитель языка в англоязычном общении по всему миру, т.е. единственная валидная точка отсчета [26]. Если во многих странах такой взгляд подвергается критике, то в современной России люди по-прежнему думают о *native speakers* как людях, обладающих наивысшей языковой компетенцией в родном языке. Иллюстрацией такого взгляда является фрагмент интервью 2021 г. с информанткой из Татарстана, учившейся в школе в советские годы:

У нас кто рос в татарских селениях, в татарской среде, и мы все равно учили русский язык. В большинстве у нас такая ситуация: у кого не было практики общения на русском языке, они плохо, наверное, разговаривают на русском языке, но они пишут лучше даже, чем русские, потому что нам очень, очень хорошо преподавали русский язык, тем более грамматику. Вот это действительно так интересно. Я все время думала, что русский человек — он очень грамотно напишет тоже на русском языке. И когда я встречалась с такими явлениями, когда русский человек пишет на русском и еще с ошибками, это было для меня... вообще! (смеется).

Подтверждение наших наблюдений о транслингвальности и отношении жителей постсоветского региона к ПК и СК мы услышали в докладе М.Б. Бергельсон на конференции *Multilingual Urban Space: Policy, Identity, Education* в НИУ ВШЭ 8 апреля 2022 г. Исследование было построено на повествованиях 118 не моноязычных носителей русского языка, связанных с языковой биографией рассказчиков. Автор анализировал паравербальный маркер в виде смеха / смешков, в которых проявляется смущение, конфуз, стыд (*embarrassment laughter*). *Embarrassment laughter* выполняет тем самым оценочную функцию, а его анализ позволяет автору сделать вывод о том, что ПК рассматривается людьми не как транслингвальность и использование имеющегося в наличии лингвистического репертуара, а скорее как признак рассеянного состояния ума, недостатка знания или опыта. Другими словами, ПК и языковые ошибки оцениваются участниками исследования негативно, чистота и правильность речи — позитивно. Один из выводов,

⁷ Понятие “*native speaker*” не имеет адекватного перевода на русский язык, что отражено и в словарях, и в наиболее популярном массовом ресурсе, таком как «Википедия», где оно переводится просто как «носитель языка». Однако в понятии «носитель языка» отсутствует важнейший семантический компонент исходного понятия — то, что этот язык является для данного говорящего родным (ср.: *someone who speaks a language as their first language* [25]), и этот факт обуславливает наивысший уровень его языковой компетенции в данном языке.

сделанных М.Б. Бергельсон, — то, как сами люди оценивают свои многоязычные дискурсивные практики и то, как описывают их ученые, может сильно различаться [27].

В силу всего вышесказанного не удивительно, что транслингвальная свобода, творческое обращение с языками, по определению нарушающее их правильность и «чистоту», не распространено в массовом сознании советских и постсоветских граждан. Конечно, это утверждение не абсолютно, и лингвокреативное обращение с русским языком, особенно в паре с английским (см. выше о «наивном переводе») — частое явление как среди профессионалов, так и «обычных людей». Продукты транслингвальных стратегий такого плана мы можем видеть, например, в языковом ландшафте всех российских городов, и этой теме посвящено много исследований. Не менее сильно, однако, и сопротивление «засилью» английского языка, выразившееся в последнее время и в законодательных инициативах, в частности в принятом в феврале 2023 г. законе о запрете использования иностранных слов при наличии аналогов в русском языке.

Заключение

Итак, в речи хорошо образованной полиэтничной и многоязычной группы мигрантов из бывшего СССР в Западной Европе мало транслингвальных стратегий и практик. Вместо транслингвальной свободы мы наблюдаем представления о языках (как родных, так и иностранных) как фиксированных структурах и нормативности грамматически правильного говорения на них. Эти представления свойственны не только мигрантам из бывшего СССР, но и жителям современной России. Данные представления полностью противоречат концепции транслингвальности, когда даже дефицит языковых ресурсов в лингвистическом репертуаре говорящего⁸ не препятствует свободному перемещению говорящего между языками и культурами.

Мы уже говорили о том, что ТЛ движима субъективными факторами, либо сознательными (целенаправленными), либо бессознательными, автоматическими. Во втором случае у говорящего должна быть определенная внутренняя свобода выражения, отсутствие привычки не употреблять или подсознательно блокировать какую-либо часть своего лингвистического репертуара. Вместо этого в нашем корпусе мы наблюдали скорее контроль сознания, запрещающий делать ошибки, нормативное речевое поведение,

⁸ Подчеркнем еще раз, что речь здесь не идет о дефиците ресурсов в самом языке. Мы не относим к ТЛ *вынужденное* переключение на другой язык, вызванное лингвистическими факторами, хотя, безусловно, границы между языком-структурой и языком / речью не могут быть жесткими и не всегда можно определить, под действием каких факторов — внутренних или внешних — произошло ПК или СК.

что было связано и с высоким уровнем образования исследуемой группы. Общий культурный уровень представителей интеллектуальной миграции не способствовал ненормативному, провокационному обращению с языками. Сознательные, целенаправленные транслингвальные стратегии, проявляются в исследованном материале только в виде языковой игры. Протестные мотивы у данной группы мигрантов отсутствуют в силу достаточной интегрированности в принимающее сообщество, относительного экономического благополучия и ряда других факторов.

Транслингвальный подход акцентирует внимание на том, как система образования должна извлекать выгоду из многочисленных языковых ресурсов учащихся, разрушая монолингвальные идеологии, которые исключают все языковые разновидности, отличные от национального языка. Исследователи ТЛ настаивают на продуктивном и творческом характере лингвистической гибридности и утверждают, что она показывает, как многоязычные говорящие проявляют свободу действий способами, которые бросают вызов доминирующим языковым идеологиям и предлагают альтернативные нормы.

На советском и постсоветском пространстве, однако, более распространены другие, более традиционные и консервативные языковые идеологии, проиллюстрированные примерами из нашего корпуса. Многие люди из этого региона не приветствуют транслингвальность, понимаемую как небрежность речи, неполную языковую компетенцию, а, напротив, поддерживают «чистоту» и правильность отдельных языков. При освоении языков они стремятся к идеальной (или близкой к этому) языковой компетенции, максимально приближенной к говорению на данном языке как на родном (*native-like*).

Мы видим, таким образом, что языковые установки и другие когнитивные модели, присутствующие «в головах» людей из советского и постсоветского пространства, вписаны не в новую, транслингвальную, а в старую, «кодую» парадигму, где *native speaker* представляет собой идеал аутентичности. В обыденном сознании людей, чья социализация прошла в этом регионе, границы языков существуют и не ставятся под сомнение, господствует представление, что этими языками — миноритарными, иностранными, и тем более русским языком надо владеть хорошо.

Таким образом, речевые практики многоязычной и полиэтничной группы мигрантов из региона бывшего СССР и современной России свидетельствуют о том, что транслингвальность не является универсальной теорией, под которую подпадают *все* речевые практики мигрантов, несущих в себе две и более (лингво)культуры. Они могут быть регионально специфичны и сформированы под влиянием более крупных идеологий, особенностей культуры и национального характера, тесно увязанных с рядом исторических, географических и других факторов.

Список литературы

1. *Khilkhanova E.* Buryat Migrants in Western Europe: Languages, Ethnic Identities, and Social Networks. In: *Father Baikal and his Cosmopolitans. Buryats in Europe*. Edited by Stefan Krist, co-edited by Viktoria Adler and Erzhen Khilkhanova, assisted by Monika Haider, Nello Fragner, Nadine Gratzner, Klaus Hofmann and Elisabeth Öfner. Wien: Praesens Verlag, 2022. Pp. 163–211.
2. *Moustaoui Srhir A., Prego Vázquez G., Zas Varela L.* Translingual Practices and Reconstruction of Identities in Maghrebi Students in Galicia // *Languages*. 2019. 4, 3 (63). <https://doi.org/10.3390/languages4030063>
3. *García O.* *Bilingual education in the 21st century: A Global perspective*. Malden, MA: Basil/Blackwell, 2009.
4. *Canagarajah S.* Codemeshing in Academic Writing: Identifying Teachable Strategies of Translanguaging // *Modern Language Journal*. 2011. 95. P. 401–417.
5. *Otheguy R., García O., Reid W.* Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics. *Applied Linguistics Review*. 2015. 6 (3), 281–307. <https://doi.org/10.1515/applirev-2015-0014>
6. *Makoni S., Pennycook A.D.* Disinventing and reconstituting languages. In S. Makoni & A. Pennycook (Eds.), *Disinventing and reconstituting languages*. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2007. 1–41.
7. *Thibault P.J.* ‘The reflexivity of human languaging and Nigel Love’s two orders of language,’ *Language Sciences*. 2017. 61: 74–85.
8. *MacSwan J.* A Multilingual Perspective on Translanguaging. *American Educational Research Journal*. 2017. 54 (1), 167–201. <https://doi.org/10.3102/0002831216683935>
9. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2017. 14 (2). С. 155–170.
10. *García O., W. Li.* 2014. *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. Palgrave Macmillan.
11. *Li W.* Translanguaging as a Practical Theory of Language // *Applied Linguistics*. 2018. Vol. 39. Issue 1, February. P. 9–30. <https://doi.org/10.1093/applin/amx039>
12. *Blommaert J.* (2010) *The Sociolinguistics of Globalization* (Cambridge: Cambridge University Press).
13. Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л. Языковые идеологии в речевых практиках многоязычных постсоветских мигрантов как барьер транслингвильности // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 1 (35). С. 78–91. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-1-78-91>
14. *Myers-Scotton C.* *Duelling Languages. Grammatical Structure in Code-Switching*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
15. *Darieva Ts.* *Russkij Berlin. Migrants and Media in Berlin and London*, Münster: LIT Verlag, 2004.
16. Хилханова Э.В. Бурятская интеллектуальная миграция в Западную Европу в аспекте иноязычных компетенций и дружеских связей // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 255–267. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-3-255-267>
17. Гучинова Э.-Б. Улица Kalmuck road. История, культура и идентичности калмыцкой общины США. С.-Петербург: Алетейя, 2004.
18. *Pischlöger C.* Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case // Edited by R. Toivanen, J. Saarikivi. *Linguistic Genocide Or Superdiversity? New and Old Language Diversities*. Bristol; Buffalo: Multilingual Matters, 2016. Vol. 14. P. 108–132.
19. Голев Н.Д. Современная ментально-языковая ситуация в аспекте взаимоотношения ее лингвистического и лингводидактического аспектов // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Теория и практика современной письменной речи: материалы конференции Барнаул: Изд-во Алт. гос. университета, 2002. С. 178–192.

20. *Тепляшина Л.В.* Ошибки учащихся и способы их коррекции. 2009. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/527553>. (дата обращения: 25.02.2023).
21. *Protassova E., Suryanarayan N., Yelenevskaya M.* Russian in the multilingual environment of three Asian countries. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. № 4. P. 981–1003. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-4-981-1003>
22. *Джундубаева А.А.* Описательные модели плюрицентрических языков // *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* 2017. № 10 (44). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5193>. (дата обращения: 22.02.2023).
23. *Германова Н.Н.* Лингвокультурные основания нормативной грамматической традиции (на материале грамматик английского языка конца XVII — начала XX в.): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2016.
24. *Ривлина А.А.* Перевод в эпоху глобализации английского языка и усиления транслингвизма // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. Т. XV. Вып. 1. 2018. С. 43–49. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/native-speaker>. (дата обращения: 24.02.2023).
25. *Pujolar, J., O'Rourke, B.* Theorizing the speaker and speakeriness in applied linguistics and sociolinguistics. *Journal of Applied Linguistics and Professional Practice*. 2022. 16 (2). Pp. 207–231. <https://doi.org/10.1558/jalpp.22760>
26. *Бергельсон М.Б.* Revealing attitudes towards 'ethnic language' through paraverbal markers // Report at the International Conference *Multilingual Urban Space: Policy, Identity, Education*. Высшая школа экономики, 7–8 апреля, 2022.

References

1. Khilkhanova, E. 2022. Buryat Migrants in Western Europe: Languages, Ethnic Identities, and Social Networks. In: *Father Baikal and his Cosmopolitans. Buryats in Europe*. Edited by Stefan Krist, co-edited by Viktoria Adler and Erzhen Khilkhanova, assisted by Monika Haider, Nello Fragner, Nadine Gratzner, Klaus Hofmann and Elisabeth Öfner. Wien: Praesens Verlag. Pp. 163–211. Print.
2. *Moustaoui, Shrir A., Prego, Vázquez G., Zas, Varela L.* 2019. Translingual Practices and Reconstruction of Identities in Maghrebi Students in Galicia. *Languages*. 4, 3 (63). <https://doi.org/10.3390/languages4030063>
3. García, O. 2009. *Bilingual education in the 21st century: A Global perspective*. Malden, MA: Basil/Blackwell. Print.
4. *Canagarajah, S.* 2011. Codemeshing in Academic Writing: Identifying Teachable Strategies of Translanguaging. *Modern Language Journal* 95:401–417. Print.
5. Otheguy, R., García, O., and Reid, W. 2015. Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics. *Applied Linguistics Review* 6 (3): 281–307. <https://doi.org/10.1515/applirev-2015-0014>
6. Makoni, S., Pennycook, A.D. 2007. Disinventing and reconstituting languages. In S. Makoni & A. Pennycook (Eds.), *Disinventing and reconstituting languages*. Clevedon, UK: Multilingual Matters. Pp. 1–41. Print.
7. Thibault, P.J. 2017. The reflexivity of human languaging and Nigel Love's two orders of language. *Language Sciences* 61: 74–85. Print.
8. MacSwan, J. 2017. A Multilingual Perspective on Translanguaging. *American Educational Research Journal* 54 (1): 167–201. Web. <https://doi.org/10.3102/0002831216683935>
9. Proshina, Z.G. 2017. Translingualism and its application. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices* 14 (2):155–170. Print. (In Russ.).

10. García, O., Li, W. 2014. *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. Palgrave Macmillan. Print.
11. Li, W. 2018. Translanguaging as a Practical Theory of Language. *Applied Linguistics* 39 (1): 9–30. <https://doi.org/10.1093/applin/amx039>
12. Blommaert, J. 2010. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press. Print.
13. Khilkhanova, E.V., Khilkhanov, D.L. 2022. Language ideologies in speech practices of multilingual post-Soviet migrants as a barrier to translanguaging. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology* 1 (35): 78–91. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-1-78-91> Print. (In Russ.).
14. Myers-Scotton, C. 1993. *Duelling Languages. Grammatical Structure in Code-Switching*. Oxford: Clarendon Press. Print.
15. Darieva, Ts. 2004. *Russkij Berlin. Migrants and Media in Berlin and London*. Münster: LIT Verlag. Print.
16. Khilkhanova, E.V. 2021. The Buryat Intellectual Migration to Western Europe from the Perspective of Friendship Connections and Foreign Languages Competencies. *Polylinguality and Transcultural Practices* 18 (3): 255–267. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-3-255-267> Print. (In Russ.).
17. Guchinova, E.-B. 2004. The Street Kalmyck road. History, Culture and Identities in the Kalmyk Community of the USA. St. Petersburg: Aleteiya publ. Print. (In Russ.).
18. Pischlöger, C. 2016. Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case. In: R. Toivanen, J. Saarikivi (eds.). *Linguistic Genocide Or Superdiversity? New and Old Language Diversities*. Bristol; Buffalo: Multilingual Matters 14: 108–132.
19. Golev, N.D. 2003. The Modern Mental and Linguistic Situation in the Aspect of the Relationship Between its Linguistic and Linguodidactic Aspects. In: Golev N.D. (ed). *Natural Written Russian speech: Research and Educational Aspects. Part 2: Theory and Practice of Modern Written Speech: Conference Proceedings*. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. Universiteta publ. Pp. 178–192. Print. (In Russ.).
20. Teplyashina, L.V. 2009. *Student mistakes and ways to correct them*. Web. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/527553>. (accessed: 25.02.2023). (In Russ.).
21. Protassova, E., Suryanarayan, N., Yelenevskaya, M. 2021. Russian in the multilingual environment of three Asian countries. *Russian Journal of Linguistics* 25 (4): 981–1003. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-4-981-1003>
22. Dzhundubaeva, A. A. 2017. Descriptive models of pluricentric languages. *Universum: Philology and Art history: electronic scientific journal* 10 (44). Web. URL: <http://universum.com/ru/philology/archive/item/5193>. (accessed: 22.02.2023). (In Russ.).
23. Germanova, N.N. 2016. *Linguistic and cultural foundations of the normative grammatical tradition (based on the grammars of the English language of the late XVII—early XX century): PhD thesis: summary: 10.02.19*. Moscow. Print. (In Russ.).
24. Rivlina, A.A. 2018. Translation in the era of globalization of the English language and the strengthening of translanguaging. *The Humanities and Social Studies in the Far East* XV (1): 43–49. Print. (In Russ.).
25. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/native-speaker> (accessed: 24.02.2023).
26. Pujolar, J., O'Rourke, B. 2022. Theorizing the speaker and speakerness in applied linguistics and sociolinguistics. *Journal of Applied Linguistics and Professional Practice* 16 (2): 207–231. <https://doi.org/10.1558/jalpp.22760>
27. Bergelson, M.B. 2022. Revealing attitudes towards 'ethnic language' through paraverbal markers. *Report at the International Conference "Multilingual Urban Space: Policy, Identity, Education"*. Higher School of Economics, 7–8 April, 2022.

Сведения об авторах:

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru
ORCID: 0000-0001-9369-343X

Хилханов Доржи Львович — доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Московский городской педагогического университет. E-mail: khilkhanovdl@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-9382-7757

Bio Notes:

Erzhen V. Khilkhanova is a Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Research Center for National and Linguistic Relations, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru
ORCID: 0000-0001-9369-343X

Dorzhi L. Khilkhanov is a Doctor of Sociology, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University. E-mail: khilkhanovdl@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-9382-7757